

«ПРАВАЯ» ЦЕРКОВНАЯ ОППОЗИЦИЯ НА ГОМЕЛЬШИНЕ В ПЕРИОД НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ И ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1941–1950)

Александр Валерьевич
СЛЕСАРЕВ

Минская духовная семинария, бакалавр богословия — 2004; Минская духовная академия, кандидат богословия — 2007; доцент Минской духовной академии — 2013; проректор по научной работе, заведующий кафедрой церковной истории и церковно-практических дисциплин Минской духовной академии — с 2013.

Радикальные общественно-политические изменения, порожденные революционными событиями 1917 г. и установлением власти большевиков, повлекли за собой попытку части высшей церковной иерархии адаптировать жизнь Русской Православной Церкви к новым историческим условиям. По инициативе Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского) в 1927 г. был взят курс на максимальную политическую лояльность советской власти. Новые принципы отношения Русской Православной Церкви к советскому государству были сформулированы в «Послании Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия и Временного Патриаршего Священного Синода архипастырям, пастырям и всем верным чадам Всероссийской Православной Церкви» от 16/29 июля 1927 г. Публикация названного документа (более известного как «Декларация 1927 года») и произошедшая в это же время ощутимая смена вектора церковной политики породили рост протестных настроений в церковной среде, приведших к образованию крупных очагов внутрицерковной оппозиции. Заявив о своем несогласии с позицией, избранной митрополитом Сергием, целый ряд иерархов и значительное число клириков разорвали каноническое общение с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя. Свою принадлежность к канонической Церкви они подчеркивали богослужебным поминовением находившегося в заключении Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра (Полянского) (1862–1937), лишённого свободы за нежелание подчинить церковную жизнь интересам советской политики. Принципиальное несогласие сторонников «правой» церковной оппозиции возносить

на богослужениях имя митрополита Сергия и совершать молитвы за государственную власть обусловило закрепление за ними наименование «непоминающих». Не имея между собой организационного и даже идейного единства, сторонники «правой» церковной оппозиции не сформировали единой церковной структуры, альтернативной Московскому Патриархату. Во многом это было обусловлено существовавшим разномыслием в вопросе определения канонического статуса Московской Патриархии, ограниченностью передвижения и коммуникаций, ориентацией на самосохранение в условиях непрекращающихся давления и репрессий со стороны советской власти. К концу 1930-х гг. оппозиционно настроенный епископат Русской Православной Церкви был практически полностью уничтожен, а «непоминающие» общины находились в глубоком подполье¹. Общую судьбу нелояльных советской власти православных христиан разделили и последователи «правой» церковной оппозиции на Гомельщине. Однако начало Великой Отечественной войны и немецкой оккупации Беларуси радикальным образом изменили ситуацию...

«Непоминающие» общины на территории современной Гомельской области возникли в июне 1928 г., когда клирики Гомельской епархии протоиерей Павел Левашев и иеромонах Герасим (Каешко) вышли из подчинения Заместителю Патриаршего Местоблюстителю митрополиту Сергию (Страгородскому)². Побуждающим мотивом к переходу на сторону «непоминающих» для них явилось принципиальное несогласие с Декларацией 1927 г. По рекомендации киевского протоиерея Димитрия Иванова (1883–1933) гомельские священнослужители перешли под омофор митрополита Ленинградского Иосифа (Петровых) (1872–1937), являвшегося руководителем наиболее крупной группы внутрицерковной оппозиции, по его имени именуемой «иосифлянским» движением. Поскольку

с февраля 1928 г. митрополит Иосиф проживал в Николо-Моденском монастыре Новгородской епархии без права выезда, реальное руководство «иосифлянами» осуществлял его помощник архиепископ Гдовский Димитрий (Любимов) (1857–1935), викарий Петроградской епархии. Именно он принял в церковное общение оппозиционно настроенных клириков Гомельской епархии³. Вскоре после этого на сторону «иосифлян» перешел ряд других священнослужителей и приходов Гомельщины. Согласно имеющимся данным, о своей приверженности «правой» церковной оппозиции к нач. 1930 г. заявляло 884 человека в целом ряде населенных пунктов Гомельского округа БССР⁴. Репрессивная политика советской власти, ориентированная на подавление политического инакомыслия, не обошла стороной последователей движения «непоминающих», антисоветская настроенность которых имела религиозные предпосылки. В 1930, 1931, 1932 и 1937 гг. органы ОГПУ-НКВД проводили групповые аресты и осуждение сторонников «правой» церковной оппозиции на Гомельщине, в результате чего движение было практически полностью разгромлено⁵. Однако это не означало полного уничтожения «непоминающих». Несмотря на отсутствие священнослужителей, некоторые оппозиционно настроенные православные общины продолжили свое существование в глубоко законспирированной форме.

Восстановление религиозной деятельности «правой» церковной оппозиции на территории Гомельской области произошло в годы немецкой оккупации и во многом стало возможным благодаря «непоминающим» клирикам, вернувшимся из мест заключения до начала Второй мировой войны. Так, с 1935 г. «непоминающую» общину в д. Причалесня Чечерского района Гомельской области негласно возглавлял отбывший пятилетний срок наказания иеромонах Антоний

(Манин)⁶. Данная община была основана в 1928 г. иеромонахом Антонием (Иваненко), который, в отличие от большинства «непоминающих» Гомельщины, пребывал в церковном общении не с епископом Гдовским Дмитрием (Любимовым), а с епископом Старобельским Павлом (Кратировым) (1871–1932). Несмотря на подчинение различным «непоминающим» иерархам, иеромонахи Антоний (Манин) и Анатолий (Иваненко) поддерживали теплые доверительные отношения. Свидетельством тому является сохранившийся в материалах уголовного дела «Гомельского филиала контрреволюционной организации духовенства Истинно-Православная Церковь» (1932 г.) фрагмент дружеской переписки названных священнослужителей⁷. Вполне вероятно, что находившийся в исправительно-трудовом лагере иеромонах Анатолий (Иваненко), срок заключения которого истек в 1937 г., мог поручить иеромонаху Антонию (Манину) духовное руководство своей паствой.

Другим «непоминающим» священнослужителем, проживавшим на Гомельщине накануне Второй мировой войны, был иеромонах Феоктист (Ганжа). Отбыв пятилетний срок заключения, к 1937 г. он вернулся в деревню Речки Ветковского района БССР, где еще до своего осуждения возглавлял оппозиционную Московской Патриархии церковную общину. Не имея возможности совершать богослужения открыто, он негласно руководил группой своих приверженцев⁸.

К 1935 г. закончился трехлетний срок заключения «непоминающего» диакона Антония Прищепова, который в годы немецкой оккупации примет сан священника и будет совершать приходское служение на Гомельщине. Можно предположить, что после возвращения из ИТЛ он поселился в деревне Будище Тереховского района БССР (ныне Гомельский район), где проживал до ареста и осуждения⁹.

В 1939 г. вернулся из заключения «непоминающий» священник Феодор Рафанович, нелегально поселившийся в одной из деревень Ветковского района Гомельской области и во избежание очередного ареста перешедший на конспиративное положение¹⁰.

С началом немецкой оккупации южные районы Гомельской области вошли в пределы рейхскомиссариата «Украина», а все остальные территории пребывали в области армейского тыла и управлялись штабом группы армий «Центр». В силу особенностей германской религиозной политики «непоминающее» духовенство Гомельщины обрело возможность возвращения к легальному приходскому служению. Так, в конце лета или начале осени 1941 г. иеромонах Антоний (Манин) приступил к открытому служению в д. Причалесня и других населенных пунктах Чечерского района, а священник Феодор Рафанович вышел из подполья и вступил в обязанности настоятеля Свято-Успенского храма местечка Городец Рогачевского района. В это же время иеромонах Феоктист (Ганжа) беспрепятственно начал совершение богослужений в храме д. Речки Ветковского района¹¹.

Наблюдавшийся в условиях немецкой оккупации религиозный подъем белорусского населения сопровождался массовым и стихийным восстановлением приходской жизни, проходившим на фоне острой нехватки священнослужителей. В условиях военного времени последовательная антикоммунистическая настроенность «непоминающих» обеспечивала им поддержку со стороны оккупационной власти. Данное обстоятельство обусловило высокую востребованность клириков, имевших каноническое посвящение. По этой причине священнослужители из числа противников Московской Патриархии активно привлекались местными церковными общинами, что способствовало численному

росту церковной оппозиции. Нередко бывший «катакомбный» священнослужитель мог духовно окормлять несколько приходских общин, некоторые из которых были идейными «непоминающими», а некоторые лишь в силу обстоятельности прекратили поминование священноначалия Русской Православной Церкви. Так, во второй пол. 1941 г. приходская община деревни Ямполь Речицкого района добилась от оккупационной администрации возвращения местного Иоанно-Богословского храма и пригласила к себе проживавшего на территории Киевщины «непоминающего» иеромонаха Полиевкта. За несколько лет служения в Ямполе последний сформировал в приходе крайне негативное отношение к Московской Патриархии, что в послевоенные годы привело к закрытию храма¹².

Помимо невольного отхода некоторых приходских общин от молитвенного поминования священноначалия Русской Православной Церкви, в условиях немецкой оккупации был отмечен случай перехода антисоветски настроенного клирика Московской Патриархии на позиции «непоминающих». Таким священнослужителем оказался иеромонах Иоанн (Матвеевко), который во второй пол. 1941 г. вступил в обязанности настоятеля Свято-Успенского храма д. Бобовичи Гомельского района и заявил об отказе в признании канонической легитимности Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского)¹³.

Примечателен путь иеромонаха Иоанна к выбору позиции сопротивления Московской Патриархии. Приняв рукоположение в обновленческом расколе, он с 1930 г. совершал служение в Свято-Покровском храме села Бабичи Речицкого района БССР. В 1932 г. воссоединился с Московской Патриархией, был повторно рукоположен и направлен на прежнее место служения. В 1933 г. получил назначение на должность

настоятеля Рождество-Богородичного храма в селе Чеботовичи Уваровичского района БССР. В 1935 г. был обвинен в антисоветской деятельности и приговорен к пяти годам ИТЛ. После освобождения в 1940 г. некоторое время совершал служение в Рождество-Богородичном храме села Кричино Мценского района Орловской области¹⁴. Можно предположить, что с движением «непоминающих» иеромонах Иоанн (Матвеевко) сблизился именно в этот период своей жизни, поскольку «правая» церковная оппозиция имела широкое распространение на Орловщине. Кроме того, история «непоминающих» Гомельщины и Орловщины тесно переплетается, поскольку фактический руководитель «иосифлянства» в Гомельской епархии протоиерей Павел Левашев в 1932 г. поселился в Орле, а уже в 1933 г. Орловским оперсектором ОГПУ он был обвинен в руководстве «церковно-монархической контрреволюционной организации», «имевшей расхождение во взглядах на отношение Церкви к советскому государству с митрополитом Сергием»¹⁵. Весьма показательным, что в июле 1944 г. нарком внутренних дел А.П. Берия докладывал И. В. Сталину о наличии в ряде районов Орловской области непримиримо настроенных к советской власти последователей движения «непоминающих» и о готовящейся их депортации в Сибирь¹⁶. Возвращение иеромонаха Иоанна на Гомельщину могло произойти в конце лета или начале осени 1941 г., когда территория Гомельской и Орловской областей оказались в зоне немецкой оккупации.

С началом легального служения «непоминающие» священнослужители Гомельщины преодолели разделение, существовавшее между ними еще с кон. 1920-х гг. и обусловленное разностью отношения к каноническому статусу Московской Патриархии. Так, часть «истинно-православных» во главе со священником Феодором Рафановичем отрицала благодатность Московской

Патриархии. Большинство же «непоминающих», возглавляемых протоиереем Павлом Левашевым, смотрели на официальную Русскую Православную Церковь как на потрещающую, но не утратившую своей церковной природы. Критикуя радикально настроенных православных, протоиерей Павел Левашев характеризовал их как находящихся в «прелести», то есть в пагубном духовном самообольщении¹⁷. Претерпев преследования со стороны советской власти и потеряв многих своих собратьев в 1930-е гг., «непоминающие» священнослужители в условиях немецкой оккупации восстановили общение друг с другом, преодолев мировоззренческие и церковно-юрисдикционные противоречия. Весной 1942 г. священник Федор Рафанович посетил д. Речки Ветковского района, где проживало некоторое количество его последователей. Во время этой поездки он встретился с иеромонахом Феоктистом (Ганжой), возглавлявшим местную «непоминающую» общину и придерживавшимся умеренных взглядов на канонический статус Московской Патриархии. Обсудив положение церковных дел, священнослужители приняли решение забыть о разделявших их ранее разногласиях и возобновить богослужебное общение. Тогда же они совместно совершили чинопоследование утрени четверга пятой седмицы Великого поста («Мариино стояние»)¹⁸.

Помимо объединительных процессов, в условиях немецкой оккупации возникли и новые предпосылки для разделения между «непоминающими». Как уже отмечалось выше, к началу немецкой оккупации практически полностью был уничтожен епископат, оппозиционный Московской Патриархии. Данное обстоятельство крайне усложняло вопрос поиска новых клириков для «непоминающих» общин. В 1943 г. группа верующих д. Прудок Гомельского района направила своего ставленника

Максима Голубева на рукоположение к архиепископу Мозырскому Николаю (Автономову), иерарху Украинской Автономной Православной Церкви. Однако, как стало известно уже через несколько месяцев после хиротонии, архиепископ Николай сам имел неканоничное рукоположение в «обновленческом» расколе и, вопреки православной традиции, не являлся монахом, проживая с женой и дочерью. Появление в среде противников Московского Патриархата клирика, имевшего поставление от иерархи «обновленческого» поставления, снова раскололо «непоминающих» Гомельщины, выделив среди них относительно немногочисленную группу сторонников священника Максима Голубева¹⁹.

Лояльная политика немецкой оккупационной и военной администрации в отношении противников Московской Патриархии имела следствием не только выход из подполья и легализацию «непоминающих» общин, но и открыла для последних новые возможности в вопросе обеспечения преемственности служения. Примером тому может служить установление контактов между «непоминающей» общиной деревни Речки Ветковского района с проживавшим в Чернигове епископом Белгородским и Грайворонским Панкратием (Гладковым) (1892–1944), состоявшим в юрисдикции Украинской Автономной Православной Церкви. В 1943 г. названный иерарх рукоположил в священный сан Андрея Поповича, являвшегося келейником и ближайшим помощником иеромонаха Феоктиста (Ганжи), руководителя группы «непоминающих» в деревне Речки. Весьма примечательно, что в послевоенной документации Минско-Белорусской епархии эта хиротония именовалась «келейной» и характеризовалась как неканоничная²⁰. Последнее обстоятельство позволяет предположить, что епископ Панкратий (Гладков), находясь в каноническом

единстве с Московским Патриархатом и сознательно рукополагая священника для «непоминающей» общины, желал избежать огласки и совершил хиротонию Андрея Поповича «келейно» (возможно, в домовом храме).

Отсутствие «непоминающего» епископата естественным образом порождало у части последователей «правой» церковной оппозиции стремление войти в состав каноничной церковной структуры, независимой от Московского Патриархата. В пределах Беларуси в годы немецкой оккупации такой альтернативой стала Белорусская Православная Церковь. С самого начала немецкой оккупации Православная Церковь на территории Беларуси была поставлена в условия, не позволявшие ей функционировать в качестве канонического подразделения Московского Патриархата. Не имея возможности сопротивляться давлению со стороны оккупационной администрации и белорусских национальных сил, белорусские епископы в 1942 г. согласились на провозглашение автокефалии. Однако «Устав Святой Белорусской Автокефальной Православной Церкви», официально принятый Всебелорусским Православным Церковным Собором 30 августа — 2 сентября 1942 г., предполагал каноническое провозглашение автокефалии лишь только после признания ее всеми Поместными Православными Церквями²¹. Иными словами, Белорусская Православная Церковь не пошла по пути самопровозглашения собственной независимости, допустив лишь условное отождествление своего канонического статуса с автокефалией. В новых условиях проживавший на Гомельщине «непоминающий» диакон Антоний Прищепов принял решение вступить в клир Могилевской епархии. В августе 1942 г. епископом Могилевским и Мстиславским Филефеем (Нарко) (1905–1986) он был рукоположен во священника и получил назначение на служение в Свято-Троицкий храм села Кравцовка Гомельского

района²². Можно предположить, что вслед за диаконом Антонием в юрисдикцию Белорусской Православной Церкви перешла часть ориентировавшихся на него «непоминающих».

В сентябре—ноябре 1943 г. наступательные действия Красной армии привели к освобождению восточных районов Гомельской области и г. Гомеля. В новых условиях «непоминающие» священнослужители Гомельщины были поставлены перед выбором пути дальнейшего существования в условиях советской действительности. Некоторые из них, помня о довоенных преследованиях, практически сразу вернулись на нелегальное положение и начали осуществлять руководство своими последователями при условии жесткой конспирации.

Одним из первых «непоминающих» священнослужителей Гомельщины, вернувшихся на нелегальное положение, оказался священник Феодор Рафанович. На протяжении двух месяцев после освобождения Гомельщины от немецкой оккупации он открыто совершал служение в селе Обидовичи Журавичского района Гомельской области (ныне Быховский район Могилевской области). Воспринимая советский режим в апокалиптической перспективе, он объявил своим последователям о возвращении «красного дракона». В силу религиозно мотивированного неприятия советской власти священник Феодор отказался вступить в переговоры относительно получения официальной регистрации и восстановления общения с Московским Патриархатом. Вместе с тем он осознавал невозможность независимого возглавления приходской общины. Перейдя на конспиративное положение в 1944 г., он вплоть до своей кончины в 1975 г. нелегально возглавлял целый ряд «непоминающих» общин в различных населенных пунктах Гомельской области²³.

Еще одним «непоминающим» священнослужителем Гомельщины, перешедшим на нелегальное положение вскоре после восстановления советской власти в регионе, оказался священник Максим Голубев. Не согласившись перейти в юрисдикцию Московского Патриархата, он был вынужден оставить открытое служение и до конца своей жизни (1910—1999) возглавлял «катакомбную» общину в древне Прудок Гомельского района (с 1957 г. в городской черте Гомеля)²⁴.

В отличие от священников Феодора Рафановича и Максима Голубева, значительная часть «непоминающих» клириков на протяжении нескольких послевоенных лет продолжила открытое служение в храмах, предоставленных им немецкой оккупационной властью. Первое время они не испытывали серьезных притеснений со стороны органов советской власти. Можно предположить, что, проявляя терпимое отношение к оппозиционным клирикам, отказывавшимся от общения с Московской Патриархией, администрация Гомельской области стремилась избежать протестных настроений населения, помнившего о лояльной религиозной политике немецких властей. Однако наличие на территории Гомельской области православных священнослужителей, отказывавшихся от единства с Московской Патриархией, не оставалось без внимания со стороны руководства Минско-Белорусской епархии. Весной 1946 г. настоятель Гомельского Петро-Павловского собора протоиерей К. Раина сообщал архиепископу Минскому и Белорусскому Василию (Ратмирову) о том, что на территории Гомельской области без молитвенного единения с Московской Патриархией действуют священник Феодор Бычаров, иеромонах Серафим Топтухин, иеромонах Феоктист (Ганжа), иеромонах Антоний (Манин), священник Феодор Рафанович, священник Максим Голубев, священник Андрей Попович и иеромонах Филарет. Кроме того, проживавший в Гомеле

«непоминающий» диакон Стефан Каменев высказывал желание воссоединиться с Московской Патриархией²⁵.

Более пристальное внимание на движение «непоминающих» со стороны гражданских и церковных властей было обращено после того, как летом 1946 г. в Гомельском, Уваровичском, Буда-Кошелевском, Черчерском и иных районах Гомельской области было отмечено массовое обновление икон²⁶. По распоряжению архиепископа Минского и Белорусского Василия (Ратмирова) (1881 — ок. 1970) для изучения ситуации на месте была сформирована епархиальная комиссия в составе благочинного Барановичского округа протоиерея Михаила Буракова и благочинного Новогрудского округа протоиерея Павла Кирика. После приезда в Гомель члены комиссии ознакомились с рапортами священнослужителей, в приходах которых наблюдались обновления икон, побеседовали с благочинным Гомельского округа протоиереем Иоанном Пиневицем и уполномоченным Совета по делам РПЦ по Гомельской области, после чего пришли к заключению о нецелесообразности выезда на места для расследования каждого отдельного случая обновления. В своем докладе на имя архиепископа Василия члены комиссии отметили, что количество обновившихся икон в течение десяти дней достигло сорока и само явление «подобно эпидемии». Однако комиссия отклонила версию о сверхъестественной природе обновления, приписав инициативу по созданию ложных чудес не признающим Московскую Патриархию священнослужителям и монахиням. Причиной их отказа в подчинении Московской Патриархии было названо нежелание верующих поддерживать политику лояльности, проводившуюся священноначалием Русской Православной Церкви по отношению к советской власти. При этом члены комиссии подчеркнули, что в пределах западных регионов БССР движение «непоминающих» отсутствует²⁷.

Последнее обстоятельство убедительно доказывает, что движение «непоминающих» на Гомельщине во второй пол. 1940-х гг. зародилось не стихийно, а имеет генетическую связь с антисоветским церковным сопротивлением, существовавшим в рассматриваемом регионе с конца 1920-х гг. В пределах Западной Беларуси, до 1939 г. пребывавшей в составе Польской Республики и не знавшей явления «правой» церковной оппозиции, в послевоенные годы движение «непоминающих» не возникло даже при наличии широко распространенных антисоветских настроений.

В нач. 1947 г. уполномоченный Совета по делам РПЦ по Гомельской области усилил давление на «непоминающих» священнослужителей, побуждая их прекратить свою религиозную деятельность или присоединиться к Московскому Патриархату. Одним из средств воздействия на непокорных священников было избрано обложение их высоким подоходным налогом. К этому времени внимание органов советской власти было обращено на ряд священнослужителей, находившихся вне общения с Московским Патриархатом и совершавших служение на территории Гомельской области. Среди них назывались священник Феодор Гончаров в селе Красное Гомельского района, иеромонах Серафим (Топтухин) в селе Ивольск Уваровичского района, иеромонах Феоктист (Ганжа) в селе Речки Ветковского района, священник Максим Голубев в деревне Прудок Гомельского района, иеромонах Антоний (Манин) в селе Причалесня Чечерского района и священник Феодор Рафанович в селе Обидовичи Журавичского района²⁸.

К 1948 г. наметилась тенденция к ужесточению советской религиозной политики. В январе того же года секретарь Гомельского райкома КП(б)Б А.Н. Демченко обратился к секретарю Гомельского обкома КП(б)Б с ходатайством о передаче

культурно-просветительским учреждениям восьми храмовых зданий, расположенных на территории Гомельского района. Все упоминаемые храмы были отняты у Церкви в 1937–1938 гг., а с началом немецкой оккупации возвращены религиозным общинам для использования по прямому назначению²⁹. Аналогичные процессы проходили и в других районах Гомельской области, что должно было в первую очередь затронуть положение «непоминающих» общин. Однако давление органов государственной власти на противников Московской Патриархии не привело к исчезновению церковной оппозиции. Добываясь закрытия или переподчинения храмовых зданий Минско-Белорусской епархии, государственные служащие существенно улучшали показатели своей отчетности о работе в регионе. Но вместе с тем они вытесняли «непоминающих» за пределы легальности, провоцируя тем самым формирование практически неконтролируемого церковного подполья.

Примером тому может быть история Иоанно-Богословского прихода в деревне Ямполь Речицкого района Гомельской области. Как уже упоминалось выше, во второй пол. 1941 г. местные жители добились от немецкой оккупационной власти возвращения храма и пригласили для служения в нем «непоминающего» иеромонаха Полиевкта. Во второй пол. 1940-х гг. уполномоченный Совета по делам РПЦ по Гомельской области неоднократно подталкивал священнослужителя к получению официальной регистрации, одним из условий которой было воссоединение с Московской Патриархией. Принципиально не допуская возможности изменения своей позиции по отношению к советской власти и священноначалию Русской Православной Церкви, иеромонах Полиевкт последовательно уклонялся даже от общения с уполномоченным. Не решаясь пойти на закрытие храма в первые послевоенные годы, гражданская власть

несколько раз инициировала направление в Ямполь священнослужителей Минско-Белорусской епархии. Однако все попытки вернуть приходскую общину в юрисдикцию Московского Патриархата всякий раз оказывались безуспешными. Местные жители категорически отказывались принять присылаемых им священников и допускали к служению в храме лишь иеромонаха Полиевкта, пользовавшегося у них большим уважением. Итогом затянувшегося на несколько лет противостояния стало снятие с регистрации и закрытие Иоанно-Богословского храма, произошедшее в 1949 г. Несмотря на это, иеромонах Полиевкт некоторое время не покидал Ямполь, продолжая нелегальное совершение богослужений и духовное руководство «непоминающей» общиной. Естественной реакцией верующих на внешнее давление было стремление избежать новых действий властей, в силу чего информация о внутренней жизни общины стала менее доступна посторонним. Данное обстоятельство самым непосредственным образом отразилось в документации уполномоченного Совета по делам РПЦ по Гомельской области. После закрытия храма в деревне Ямполь упоминания об иеромонахе Полиевкте резко сокращаются и полностью прерываются в 1952 г. В 1950 г. Гомельский облисполком возбудил ходатайство перед Советом по делам РПЦ при Совете министров СССР о переоборудовании ямпольской церкви под школу. Однако по причине активного противодействия верующих Совет по делам РПЦ счел данное предложение несвоевременным. На протяжении пяти последующих лет храм оставался закрытым, но перестройке не подвергался. В 1954 г. он был передан общине верующих, лояльно настроенных по отношению к Московской Патриархии³⁰. Вытесненная в подполье местная «непоминающая» община к этому времени полностью выпала из поля зрения уполномоченного Совета по делам РПЦ по Гомельской области.

Аналогичная ситуация произошла в деревне Бобовичи Гомельского района, где со второй пол. 1941 г. настоятелем местного Свято-Успенского храма являлся «непоминающий» иеромонах Иоанн (Матвеевко). Формально воссоединившись с Московской Патриархией в 1947 г., он продолжил критику митрополита Сергия (Страгородского) и его наследников. Разобравшись в сложившейся ситуации, уполномоченный Совета по делам РПЦ по Гомельской области Е. Цуканов в 1949 г. снял иеромонаха Иоанна с регистрации, что повлекло за собой отстранение священнослужителя от настоятельства. Вынужденный переехать на территорию Украины, иеромонах Иоанн нелегально совершал служение в Черниговской области, регулярно посещая Гомельщину для духовного окормления местных «непоминающих». Весьма показательно, что вплоть до сер. 1950-х гг. прихожане Свято-Успенского храма деревни Бобовичи категорически отказывались принимать всех назначаемых к ним священников Московского Патриархата³¹.

Единственный выявленный автором случай воссоединения «непоминающего» священнослужителя с Московской Патриархией в период усиления внешнего давления на церковную оппозицию произошел в 1948 г. К этому времени иеромонах Феоктист (Ганжа), с 1929 г. возглавлявший «непоминающую» общину в деревне Речки Ветковского района Гомельской области, начал проявлять внешние признаки лояльности священноначалию Русской Православной Церкви. В январе 1948 г. он благословил своему ближайшему помощнику священнику Андрею Поповичу обратиться к архиепископу Минскому и Белорусскому Питириму (Свиридову) (1888–1963) с просьбой о воссоединении с Московским Патриархатом. Последний не признал законность рукоположения священника Андрея, который, как было указано выше, в 1943 г. был «келейно» хиротонисан епископом Белгородским и Грайворонским

Панкратием (Гладковым). Уже 15 февраля 1949 г. архиепископ Питирим совершил перерукоположение священника Андрея Поповича и назначил его настоятелем Александро-Невского храма в деревне Нивки Добрушского района Гомельской области³². Несмотря на смягчение позиции в отношении РПЦ МП, иеромонах Феоктист (Ганжа) скончался в 1948 г. без примирения с Московской Патриархией³³.

Наметившийся к 1948 г. вынужденный переход большинства «непоминающих» общин Гомельщины на нелегальное положение накладывал особый отпечаток на верующих, что привело к формированию уникальной религиозной субкультуры. Характерными чертами церковного подполья стали высокий уровень внутренней консолидации, апокалиптическое восприятие действительности, религиозно мотивированная антисоветская настроенность и непримиримое отношение к Московской Патриархии.

Несмотря на давление органов гражданской власти, во второй пол. 1940-х гг. на Гомельщине наблюдался рост числа сторонников церковной оппозиции. Причины этого видятся как в антисоветской настроенности части населения, так и в высоком нравственном авторитете, которым обладали некоторые «непоминающие» священнослужители. Одним них был иеромонах Антоний (Манин), проживавший в деревне Причалесня Чечерского района. Все богослужения суточного круга он совершал в собственном доме, богато украшенном иконами и различными предметами церковной утвари из закрытых ранее храмов. В информационном отчете уполномоченного Совета по делам РПЦ по Гомельской области В.Т. Лобанова за первый квартал 1953 г. содержится указание на то, что местные жители видят в иеромонахе Антонии святого человека, который, «действительно занимается религиозной деятельностью больше, чем любой

зарегистрированный священник, обслуживая верующих в 5 деревнях»³⁴. Опасаясь народного негодования, представители гражданской власти предпочли отказаться от применения санкций в отношении престарелого иеромонаха Антония (Манина), последнее документальное упоминание о котором относится к ноябрю 1957 г.³⁵

По мнению ревизора Минской епархии священника Петра Бычковского, в 1950 г. изучавшего религиозную деятельность «непоминающих» на Гомельщине, лидерство в духовном руководстве оппозиционными общинами принадлежало монашествующим, приезжавшим из Киевской области³⁶. Прямым следствием такого иноческого влияния стало возникновение на территории Гомельской области нескольких нелегальных женских монашеских общин, непримиримых по отношению к Московской Патриархии. К 1949 г. монашеские общины возникли в местечке Лоев (ныне райцентр Гомельской области), местечке Уваровичи (ныне городской поселок Буда-Кошелевского района) и деревне Огородня Гомельская (Добрушский район). Подвергая резкой критике Русскую Православную Церковь и отказывая в признании местному священнику, проживавшие в местечке Уваровичи монахини Ирина (Васильцова) и Домна (Грицкова) совершали богослужения самостоятельно в домашних условиях. Как отмечал уполномоченный Совета по делам РПЦ по Гомельской области Е. Цуканов, насельницы этих обителей не имели опыта жизни в легальных монастырях и нередко были женщинами молодого возраста. По мнению уполномоченного, развитие нелегального монашества свидетельствовало об «активизации церковников» и требовало дополнительного внимания³⁷.

В 1950 г. уполномоченный зафиксировал существование нелегальной женской монашеской общины в частном секторе Новобелицкого района г. Гомеля,

возникновение которой он связывал с деятельностью монахинь из закрытых в 1928 г. Чонковского монастыря Гомельского района и Макарьевского монастыря Добрушского района³⁸. Следует отметить, что возникновение данной нелегальной женской монашеской общины относится к 1928 г., когда изгнанные из Чонковской и Макарьевской обителей монахини компактно поселились в Новобелицком районе г. Гомеля. Проживая в нескольких частных домах, они негласно сохраняли монастырский уклад жизни, включавший послушание игуменье или старшей сестре, а также неукоснительное соблюдение установленного молитвенного правила. Ко времени образования нелегальных общин монахини были разделены на группы «левашевцев» и «сергиевцев». К первой категории относились сторонницы «правой» церковной оппозиции, объединенные вокруг протоиерея Павла Левашева. В числе «сергиевцев» оказались те инокини, которые не шли на открытый конфликт с высшей церковной властью и сохраняли церковно-каноническое единство с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским)³⁹. Не исключено, что к 1950 г. в Новобелице продолжала свое существование монашеская община, не признававшая Московскую Патриархию.

В отчете за 1 квартал 1950 г. уполномоченный рапортовал о том, что работа по противодействию нелегальным монашеским общинам дает свои результаты, а «по Уваровичскому району совсем прекратилась работа монашек»⁴⁰. Вполне очевидно, что утверждение о «прекращении работы монашек» подразумевало не мировоззренческое переубеждение монахинь, а создание максимально неблагоприятных условий для их религиозной деятельности. Иными словами, к нач. 1950 г. «непоминающая» женская монашеская община в местечке Уваровичи была вытеснена в подполье.

Влияние «непоминающего» монашества распространялось не только на рядовых верующих, но затрагивало даже священнослужителей Минско-Белорусской епархии. В 1950 г. епархиальные власти обратили внимание на деятельность священника Григория Секача, настоятеля Свято-Троицкого молитвенного дома в местечке Лоев. Как установила епархиальная следственная комиссия, священник Григорий длительное время отказывался от поминования на богослужениях имени Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия, мотивируя свою позицию следующими словами: «А что его поминать, когда он заодно со Сталиным и коммунистами? Такие Патриархи — не Патриархи и поминать их не нужно»⁴¹. На протяжении нескольких лет священнослужитель поддерживал тесные связи с «непоминающим» иеромонахом Полиевктом, проживавшим в деревне Артуки Речицкого района, а также с киевскими монахами и монахинями, отказывавшимися от признания Московского Патриархата. Наиболее частым гостем священника Григория был некий архимандрит Варлаам, проживавший в подвале Киевского Выдубичского монастыря и избегавший посещения храмов Русской Православной Церкви. Приобщенность священнослужителя к «катакомбной» субкультуре, пронизанной духом обостренного эсхатологизма и мироотрицания, побудила его к тайному принятию монашества, несмотря на продолжение совместного проживания с супругой и четырьмя детьми. Более того, многие годы священник Григорий Секач побуждал своих последователей к принятию тайного пострига, по причине чего в материалах уполномоченного Совета по делам РПЦ по Гомельской области он именовался «инкубатором монашества». В 1950 г. священнослужитель был снят с регистрации и выведен за штат Минско-Белорусской епархии⁴².

Не имея собственной иерархии и с каждым годом испытывая возрастающий дефицит в священнослужителях, многие «непоминающие» общины к кон. 1940-х гг. были вынуждены переходить на совершение богослужений мирским чином. Согласно данным уполномоченного Совета по делам РПЦ по Гомельской области, к апрелю 1949 г. на территории региона совершали богослужения следующие лица, не имевшие священного сана: монахиня Анна в деревне Буда Стрешинского района, монахини Ирина (Васильцова) и Домна (Грицкова) в местечке Уваровичи, Петр Степанович Крючков в деревне Папоротное Жлобинского района, некий Демьян в деревне Прибудок Жлобинского района, невидящий Егор в деревне Столбун Светиловичского района и монахиня Еликонида (Приходько) в деревне Неглюбка Светиловичского района⁴³.

В последующие годы число «непоминающих» общин, перешедших на совершение богослужений мирским чином, будет возрастать. Однако данное обстоятельство не может служить свидетельством деградации церковного подполья и его вырождения в псевдоправославное сектантство. Подобные выводы, утвердившиеся в российской историографии, во многом благодаря публикациям А.Л. Беглова⁴⁴, вряд ли могут быть применимы к ситуации, сложившейся в Гомельской области. Отрицая возможность обращения к священнослужителям Московского Патриархата даже при отсутствии собственных священников, последователи движения «непоминающих» не столько отвергали традиционные формы церковной жизни, сколько проявляли последовательность в своей радикальной антисоветской настроенности. При этом неприятие советской власти в большинстве случаев имело не столько политическую, сколько религиозную мотивацию. В установлении коммунистического режима

«непоминающие» усматривали признаки апокалиптических предзнаменований, описывающих победу антихристианских сил накануне конца человеческой истории. По этой причине политическая лояльность для них отождествлялась с вероотступничеством, в чем обвинялось священноначалие и духовенство Русской Православной Церкви. Принципиально не отрицая священство и таинства, «непоминающие» дистанцировались от Московской Патриархии, а при благоприятном стечении обстоятельств стремились к восстановлению каноничного церковного строя во всей его полноте. Такая возможность для нелегальных общин Гомельщины представилась дважды. Первый раз часть «непоминающих» общин Гомельской области отошла от совершения богослужений мирским чином в нач. 1970-х гг., когда возникла «серафимо-геннадиевская» ветвь Катакомбной Церкви и были совершены хиротонии новых священнослужителей⁴⁵. Однако значительная часть противников Московской Патриархии не признала каноничность «серафимо-геннадиевской» иерархии и в первой пол. 1980-х гг. начала ассоциировать себя с Русской Православной Церковью Заграницей. На закате перестроечных лет эта часть «непоминающих» официально вошла в юрисдикцию РПЦЗ и, восстановив священство, отошла от совершения богослужений мирским чином. В ноябре 1990 г. Архиерейский Синод РПЦЗ принял решение о рукоположении во епископа Гомельского «катакомбного» иеромонаха Вениамина (Русаленко), духовным наставником которого был священник Феодор Рафанович, один из основателей движения «непоминающих» на Гомельщине⁴⁶. Таким образом, в пределах Гомельского региона «правая» церковная оппозиция, длительное время вынужденно существовавшая в условиях подполья, не деградировала до квазиправославного сектантства и может рассматриваться в категориях раскола или разделения.

Завершая обзор истории движения «непоминающих» на Гомельщине в 1941—1950 гг., необходимо отметить, что данный регион Беларуси на протяжении многих десятилетий являлся достаточно крупным очагом «правой» церковной оппозиции. К концу 1930-х гг. антисоветское церковное сопротивление на территории Гомельской области было практически полностью подавлено. В условиях немецкой оккупации священнослужители и православные церковные общины, отказывавшиеся в признании Московской Патриархии, получили возможность вернуться к легальному существованию. Принимая в пользование храмовые здания и восстанавливая в них полноценную приходскую жизнь, они расширяли влияние движения «непоминающих» в регионе. Пополнение оппозиционного клира происходило за счет рукоположения избранных общинами кандидатов иерархами Украинской Автономной Православной Церкви, а также благодаря выходу священнослужителя из подчинения Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Сергию (Страгородскому). После освобождения территории Гомельской области от немецкой оккупации «непоминающие» общины на протяжении нескольких лет не преследовались и продолжали свободно совершать богослужения в храмах, переданных им оккупационной властью. Ужесточение советской религиозной политики, наметившееся к 1948 г., привело к изъятию у «непоминающих» общин всех храмовых зданий. Наблюдавшееся в кон. 1940-х гг. усиление давления на противников Московской Патриархии вынудило их перейти на нелегальное положение и организовывать общинно-богослужебную жизнь на конспиративных началах. Существование в условиях подполья способствовало формированию специфической «катакомбной» субкультуры, отличавшей «непоминающих» от основной массы православного верующего населения. В основании мировосприятия большинства

православных оппозиционеров лежало религиозно мотивированное неприятие советского строя. Последнее обстоятельство побуждало «непоминающих» дистанцироваться от политически лояльных священнослужителей Русской Православной Церкви и при отсутствии собственных клириков приступать к совершению богослужений мирским чином. Широкое распространение апокалиптических чаяний среди противников Московской Патриархии побуждало многих из них принимать тайное монашество. К кон. 1940-х гг. это привело к появлению на Гомельщине целого ряда нелегальных монашеских общин, становившихся духовными и богослужебными центрами церковной оппозиции. Не утрачивая церковного и канонического сознания, при стечении благоприятных обстоятельств «непоминающие» возвращались к традиционным формам организации церковно-приходской жизни, что лишает оснований все обвинения их в сектантстве.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См. об этом: Беглов, Алексей. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР / Алексей Беглов. — Москва : Издательский Совет Русской Православной Церкви, «Арефа», 2008. — 352 с.; Беглов, А. Епископат Русской Православной Церкви и церковное подполье в 1920—1940-е гг. / А. Беглов // Альфа и Омега. — 2003. — № 1(35). — С. 138—155; Беглов, А. Понятие «катакомбная церковь»: мифы и реальность / А. Беглов // Мeneвские чтения. 2006. Научная конференция «Церковная жизнь XX века: протоиерей Александр Мень и его духовные наставники». — Сергиев Посад, 2007. — С. 51—59; Беглов, А. Церковное подполье в СССР в 1920—1940-х годах: стратегии выживания / А. Беглов // Одиссей. Человек в истории. 2003. — Москва, 2003. — С. 78—104; Беглов, А. Эволюция церковной жизни в условиях подполья: итоги двадцатилетия (1920—1940-е гг.) /

А. Беглов // Альфа и Омега. — 2003. — № 2(36). — С. 202—232; Иоанн (Снычев), митрополит. Церковные расколы в Русской Церкви / митрополит Иоанн (Снычев). — Самара : Православная Самара, 1997. — 364 с.; «О, Премилосердый... Будь с нами неотступно...» Воспоминания верующих Истинно-Православной (Катакомбной) Церкви. Конец 1920-х — начало 1970-х годов / Сост., подг. текстов, комм., предисл., вступ. ст. И.И. Осиповой. — Москва : Братонез, 2008. — 464 с.; Поспеловский, Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке / Д.В. Поспеловский. — Москва : Республика, 1995 — 511 с.; Шкаровский, М.В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви / М.В. Шкаровский. — Санкт-Петербург : НИЦ «Мемориал», 1999. — 400 с.; Шкаровский, М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве / М.В. Шкаровский. — Москва : Изд. Крутицкого подворья, Общество любителей церковной истории, 2005. — 424 с.; Шкаровский, М.В. Судьбы иосифлянских пастырей. Иосифлянское движение Русской Православной Церкви в судьбах его участников. Архивные документы / М.В. Шкаровский. — Санкт-Петербург : «Сати», «Держава», 2006. — 590 с.; Fletcher, C. William. The Russian Orthodox Church Underground. 1917-1970. / William C. Fletcher. — London: Oxford University Press, 1971. — 314 p.

² См. об этом: Слесарев, А.В. История «правой» церковной оппозиции («иосифлянства») на Гомельщине в 1928 — нач. 1941 гг. / А.В. Слесарев // Труды Минской духовной академии. — 2014. — №11. — С. 140—149.

³ Архив Управления Комитета государственной безопасности (УКГБ) по Гомельской обл. — Д. 12270-с. — Т. 1. — Л. 20; Архив УКГБ по Гомельской обл. — Д. 12270-с. — Т. 3. — Л. 80; Государственный архив Гомельской области (ГАГО). — Ф.

161. — Оп. 1. — Д. 29. — Л. 155.

⁴ Архив Управления Комитета государственной безопасности Республики Беларусь (УКГБ РБ) по Гомельской обл. — Д. 15454-с. — Л. 164 об, 186, 191-193 об., 269—270, 272, 414, 430—431.

⁵ Архив УКГБ РБ по Гомельской обл. — Д. 15454-с. — Л. 108, 149-150, 216, 350-351, 377 об., 400, 412; 414, 423, 438, 443, 448—456; Архив УКГБ РБ по Гомельской обл. — Д. 12270-с. — Т. 1. — Л. 20 об.; Архив УКГБ РБ по Гомельской обл. — Д. 12270-с. — Т. 2. — Л. 31; Архив УКГБ РБ по Гомельской обл. — Д. 13195-с; Архив УКГБ РБ по Гомельской обл. — Д. 13371-с; Архив УКГБ РБ по Гомельской обл. — Д. 18066-с; ГАГО. — Ф. 3441. — Оп. 1. — Д. 12. — Л. 51 об.

⁶ Архив УКГБ РБ по Гомельской обл. — Д. 13860-с; Архив УКГБ РБ по Гомельской обл. — Д. 15454-с; ГАГО. — Ф. 3441. — Оп. 1. — Д. 12. — Л. 51 об.; ГАГО. — Ф. 3441. — Оп. 3. — Д. 26.

⁷ Архив УКГБ РБ по Гомельской обл. — Д. 15454-с. — Л. 66 об.

⁸ Архив Минского епархиального управления (МЕУ). — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 803. — Л. 118 об. — Л. 119; Архив УКГБ РБ по Гомельской обл. — Д. 15454-с; ГАГО. — Ф. 3441. — Оп. 1. — Д. 1.

⁹ Архив Гомельского епархиального управления (ГЕУ). Дело Свято-Николаевского храма д. Бобовичи Гомельского района; Архив УКГБ РБ по Гомельской обл. — Д. 15454-с. — Л. 433, 442, 451; ГАГО. — Ф. 3441. — Оп. 3. — Д. 7. — Л. 4—5, 14—14 об.

¹⁰ Архив МЕУ. — Ф. 1. — Оп. — 2. — Д. 803. — Л. 118 об.; ГАГО. — Ф. 3441. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 35; ГАГО. — Ф. 3441. — Оп. 3. — Д. 5. — Л. 14.

- ¹¹ Архив МЕУ. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 803. — Л. 72 об., 110, 118 об.; ГАГО. — Ф. 3441. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 28; ГАГО. — Ф. 3441. — Оп. 1. — Д. 12. — Л. 51, 112.
- ¹² ГАГО. — Ф. 3441. — Оп. 1. — Д. 5. — Л. 12.
- ¹³ ГАГО. — Ф. 3441. — Оп. 1. — Д. 12. — Л. 112.
- ¹⁴ Архив МЕУ. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 562. — Л. 1—3.
- ¹⁵ Архив УКГБ по Гомельской обл. — Д. 12270-с. — Т. 4. — Л. 79—81.
- ¹⁶ Шкаровский, М. В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. — С. 262—263.
- ¹⁷ Архив МЕУ. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 803. — Л. 118.
- ¹⁸ Архив МЕУ. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 803. — Л. 118 об.
- ¹⁹ Шумило, С. В. В катакомбах. Православное подполье в СССР. Конспект по истории Истинно-Православной Церкви в СССР / С. В. Шумило. — Луцк : Терен, 2011. — С. 80.
- ²⁰ Архив ГЕУ. Дело Свято-Николаевского храма д. Даниловичи Ветковского района; Архив МЕУ. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 803. — Л. 118 об.—119.
- ²¹ Статут Святой Праваслаўнай Беларускай Аўтакефальнай Царквы, прыняты Усебеларускім Царкоўным Саборам 30.8.—2.9.1942 г. // Касяк, І. 3 гісторыі Праваслаўнай Царквы беларускага народу / І. Касяк. — Нью-Йорк : Выданьне Беларускай Цэнтральнай Рады, 1956. — С. 188.
- ²² Архив ГЕУ. Дело Свято-Николаевского храма д. Бобовичи Гомельского района; ГАГО. — Ф. 3441. — Оп. 3. — Д. 7. — Л. 4—5, 14—14 об.
- ²³ Архив МЕУ. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 803. — Л. 119; ГАГО. — Ф. 3441. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 11.
- ²⁴ ГАГО. — Ф. 3441. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 11; Шумило, С. В. В катакомбах. Православное подполье в СССР. Конспект по истории Истинно-Православной Церкви в СССР. — С. 80.
- ²⁵ ГАГО. — Ф. 951. — Оп. 1. — Д. 6. — Л. 97.
- ²⁶ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 951. — Оп. 2. — Д. 5. — Л. 26—61; НАРБ. Ф. 951. — Оп. 2. — Д. 6. — Л. 8; ГАГО. — Ф. 3441. — Оп. 3. — Д. 33. — Л. 15—17.
- ²⁷ Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). — Ф. 144. — Оп. 60. — Д. 8. — Л. 22—27.
- ²⁸ ГАГО. — Ф. 3441. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 11.
- ²⁹ ГАООГО. — Ф. 144. — Оп. 7. — Д. 136. — Л. 2.
- ³⁰ Архив МЕУ. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 803. — Л. 72 об., 110; Архив МЕУ. Дело церкви с. Ямполь Гомельской обл. — Л. 28; ГАГО. — Ф. 3441. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 28; ГАГО. — Ф. 3441. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 46; ГАГО. — Ф. 3441. — Оп. 1. — Д. 4. — Л. 52; ГАГО. — Ф. 3441. — Оп. 1. — Д. 5. — Л. 12, 30; ГАГО. — Ф. 3441. — Оп. 1. — Д. 7. — Л. 5; ГАГО. — Ф. 3441. — Оп. 1. — Д. 12. — Л. 37, 39, 43—44, 122.
- ³¹ Архив МЕУ. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 562. — Л. 1—3 об., 33—37; ГАГО. — Ф. 3441. — Оп. 1. — Д. 4. — Л. 19; ГАГО. — Ф. 3441. — Оп. 1. — Д. 5. — Л. 31—32; ГАГО. — Ф. 3441. — Оп. 1. — Д. — 7. — Л. 5—6, 14; ГАГО. — Ф. 3441. — Оп. 1. — Д. 12. — Л. 112, 125.
- ³² Архив МЕУ. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 803. — Л. 118 об.—119; Архив ГЕУ. Дело

Свято-Николаевского храма д. Бобовичи Гомельского района.

³³ Архив МЕУ. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 803. — Л. 118 об.—119.

³⁴ ГАГО. — Ф. 3441. — Оп. 1. — Д. 12. — Л. 51 об., 88—89.

³⁵ ГАГО. — Ф. 3441. — Оп. 3. — Д. 26. — Л. 84.

³⁶ Архив МЕУ. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 803. — Л. 119.

³⁷ ГАГО. — Ф. 3441. — Оп. 1. — Д. 4. — Л. 10, 52.

³⁸ ГАГО. — Ф. 3441. — Оп. 1. — Д. 5. — Л. 32.

³⁹ Архив УКГБ РБ по Гомельской обл. — Д. 12270-с. — Т. 2. — Л. 141—144 об., 180, 425—426.

⁴⁰ ГАГО. — Ф. 3441. — Оп. 1. — Д. 5. — Л. 32.

⁴¹ Архив МЕУ. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 803. — Л. 72, 107.

⁴² Архив МЕУ. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 803. — Л. 72 об.—73, 77, 116, 124; ГАГО. — Ф.

3441. — Оп. 3. — Д. 30. — Л. 29.

⁴³ ГАГО. — Ф. 3441. — Оп. 1. — Д. 4. — Л. 10.

⁴⁴ См.: Беглов, Алексей. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. — 352 с.; Беглов, А. Епископат Русской Православной Церкви и церковное подполье в 1920—1940-е гг. — С. 138—155; Беглов, А. Понятие «катакомбная церковь»: мифы и реальность. — С. 51—59; Беглов, А. Церковное подполье в СССР в 1920—1940-х годах: стратегии выживания. — С. 78—104; Беглов, А. Эволюция церковной жизни в условиях подполья: итоги двадцатилетия (1920—1940-е гг.). — С. 202—232.

⁴⁵ См. об этом более подробно: Слесарев, А.В. Основатель «серафимогеннадиевской» ветви Катакомбной церкви «схимитрополит» Геннадий (Секач) / А.В. Слесарев // Сектоведение. Альманах. — Жировичи : Издательство Минской духовной семинарии, 2012. — Т. II. — С. 112—147.

⁴⁶ Краткая история Русской Истинно-Православной Церкви. 1927—2007 гг. / Под ред. Шумило В.В., Шумило С.В. — Чернигов : ЧГИЭИУ, Киев-Чернигов : Православное изд-во «Вера и жизнь», 2008. — С. 27.